

18+

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

НА ДВА ПОЛУШАРИЯ

Они обязательно встретятся

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Светлана Сервилина

**На два полушария.
Повесть о первой любви**

«Издательские решения»

Сервилина С.

На два полушария. Повесть о первой любви / С. Сервилина —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**Пронзительная история первой любви. Всё началось
как в волшебной сказке: она — принцесса, а он — принц. Но только
на школьной сцене. Тихоня и скромница Соня не смогла бороться за свою
любовь, разрушенную в один миг. Нелёгкие жизненные испытания закалили
её, а время проверило истинность чувств. Повесть с неожиданным финалом
и сладко-горьким вкусом Любви... В книгу также вошли несколько
трогательных рассказов о детстве.

Содержание

1. Несчастливая принцесса	8
2. Кусочек свободы	14
3. Маленькие радости	20
4. Неудачное свидание	24
5. Последняя весна детства	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

На два полушария Повесть о первой любви

Светлана Сервилина

Дизайнер обложки Николай Красненко

© Светлана Сервилина, 2026

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5604-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

Нельзя приклеить к гусенице крылья
И заставить её летать, как бабочку.
Она должна измениться изнутри.

Д. Колсен

Женщина сняла с себя пуховик и, аккуратно свернув, положила в ящик над креслами. Потом она удобно устроилась на сиденье рядом с иллюминатором. Обзор был хороший. Во время полёта Софья любила смотреть на сверкающие, словно блюда с водой, озёра, величественные горы с белыми шапками снега, непостижимое ледяное пространство Гренландии, на светящиеся ночные города и даже на облака, похожие на воздушную сладкую вату. Перелёт из

Москвы в Нью-Йорк долгий, поэтому она сняла сапоги и надела пушистые вязаные носочки. Пассажиры неспешно заполняли салон «Боинга», негромко переговариваясь между собой. На соседнее место плюхнулась молодая женщина, а рядом с ней — мужчина. Они вежливо поздоровались и тоже стали создавать себе походные удобства с помощью пледов и надувных подушек. Когда самолёт набрал высоту, Соня откинула спинку кресла и натянула до подбородка мягкую ткань казённого покрывала. Спать совсем не хотелось. Она мысленно перечислила все развлечения, доступные на борту самолёта, и пришла к выводу, что у неё нет желания смотреть фильмы и листать журналы.

Яркие лучи восходящего солнца, словно через невидимую призму, преломлялись и интенсивно били в лицо ослепительным светом. Софья опустила шторку иллюминатора и почувствовала себя будто в домике. Она вдруг вспомнила, как в школе все ребята морщились во время уроков от яркого солнца. Особенно в конце весны, когда оно слепило глаза, словно выгоняя из класса на улицу. Мальчишки, озираясь, пускали солнечных зайчиков с помощью зеркала. Они тихо радовались своим шалостям, когда попадали в цель. Девочка, получив ослепительный блик в лицо, смело показывала кулак однокласснику или крутила пальцем у виска. Это была молчаливая война жестами за спиной педагога. И самое удивительное, что никто не закрывал окна занавесями, как будто их нет. А они были! Шторы непонятного цвета с выгоревшим расплывчатым рисунком, на которые родители сдавали каждый год по рублю, висели по двум сторонам каждого окна. «Зачем эти занавеси, если ими не пользуются по назначению?» — думала юная Сонечка, но не задавала этот вопрос никому, не зря её считали тихоней. Она ненавидела свою патологическую застенчивость и неумение за себя постоять. Сколько раз она внутренне готовилась к достойному отпору, но в тот момент, когда её обижали, она словно вращала ногами в пол, её язык становился вялым, а мозг отказывался находить нужные слова. Уже потом, спустя час, Сонечка начинала спокойно анализировать и мысленно проговаривала блистательную речь в свою защиту, но это было уже никому не нужно. Как говорила с иронией в таких случаях мама-педагог: «Умная мысль приходит опосля». А ведь именно она, её мама, всегда учила, что грубить нехорошо, надо быть воспитанной и прилежной.

Софья словно наяву увидела себя, пятнадцатилетнюю, за партой с модной стрижкой под «паж», а рядом — её первую любовь — Дениса Романова. Они оба щурились от солнечного света. Хорошо было математичке, потому что она всегда вставала спиной к окну и что-то писала на доске. Вот она развернулась и, строго посмотрев на учеников, не спеша, двинулась между рядами. Её тяжёлый бюст всегда выпирал из-под синего пиджачка из кримплена и плавно покачивался при ходьбе. Однажды Наталья Германовна подошла к Сониной парте и ласково произнесла:

— Романов, тебе, наверное, солнце в глаза светит и мешает читать с доски? Пересядь за последний стол!

Чтобы не встретиться взглядом с Денисом и не показать обиду, Соня мысленно произнесла целую тираду, обращённую к Германовне и равнодушному однокласснику: «Как будто меня рядом нет! Как будто мне солнце не мешает! Или я не достойна вашего внимания, потому что я — девочка? А Романов-то каков! Даже слова против не промолвил! Слунтай и трус!»

И только через несколько минут Софья подняла голову и посмотрела в упор немигающим взглядом на педагога. Он был полон осуждения. Однако двадцатилетняя «математичка» и бровью не повела.

«Боже мой, из-за какой ерунды мы переживали в то время. Как были наивны, категоричны и принципиальны!» — усмехнулась Софья, и в ту же секунду воспоминания унесли её в далёкое школьное детство. Это было удивительное время, когда сорок пять минут урока казались целой вечностью, а каникулы пролетали, как один летний день.

1. Несчастливая принцесса

— Как в любой сказке, здесь будут злодеи, колдуньи и драконы. — Лариса Васильевна посмотрела на притихших шестиклассников и улыбнулась. — И обязательно прекрасная принцесса.

— А принц? — раздался голос с последней парты.

— Да, у нашей героини обязательно будет защитник — сильный и мужественный рыцарь, — продолжила учительница и, сдвинув брови, спросила: — Афанасьев, ты почему с места выкрикиваешь? Прежде чем что-то сказать на уроке, что надо сделать?

— Поднять руку, — негромко произнёс мальчик, поправляя красный галстук у ворота рубашки.

— Лариса Васильевна, — вытянув ладошку перед собой, подала голос кудрявая девочка с первого ряда, — а когда мы будем ставить эту пьесу?

— Начнём репетировать прямо сегодня после уроков, Надюша.

— Ура! — крикнула бойкая Аделя Давлетова, поглядывая на одноклассников.

— А кто будет играть принцессу? — не унималась «кудрявая».

— А рыцаря? А злодея? — посыпались вопросы отовсюду.

— Ребята, тихо! — строго прервала учительница русского языка и литературы расшумевшихся школьников. — У нас урок!

Ученики сразу замолчали, а Лариса Васильевна, немного смягчив голос, продолжила:

— Зуева, ты больше всех интересуешься постановкой. — Она посмотрела на «кудрявую». — Вот и иди к доске, будешь записывать распределение ролей!

— А когда мы будем выступать? — несмело проговорила девочка со светло-русыми косичками.

— Надеюсь, Соня, успеем отрепетировать к зимним каникулам, — улыбнулась Лариса Васильевна.

— А, так это ещё не скоро, — недовольно пробурчал Володька Карасёв.

Тем временем Надя Зуева подошла к доске. Она размашистыми движениями вытерла её тряпкой, оставляя на коричневой поверхности меловые разводы.

— Надя, сходи в туалет и намочи тряпку. — Учительница покачала головой. — А кто у нас сегодня дежурный?

— Люда Субботина, — ответила за всех Нина Буряк, — но она не пришла в школу, потому что заболела.

Зуева вышла из кабинета, а Лариса Васильевна сделала несколько шагов вдоль ряда и произнесла:

— Пока у нас доска не готова, давайте немного поговорим о театре. Кто знает, какие они бывают?

— Кукольные!

— Юного зрителя!

— Оперы и балета! — со всех сторон послышались ответы ребят.

— Какие вы молодцы! — Педагог улыбнулась. — А ещё драматические театры, пантомимы, оперетты и даже уличные. А зачем людям театр?

На секунду в классе воцарилась тишина.

— Чтобы разбираться в искусстве, — отчеканила Давлетова.

— Чтобы уметь сопереживать героям пьес, — взволнованно проговорила Сонечка Лисицкая и почему-то покраснела.

— Для развлечений, — весело ответил Карасёв.

— И опять вы правы, ребята! Театр необходим, потому что он дарит зрителю несравнимое удовольствие, заряжает положительной энергией. Театральное творчество — это, прежде всего, замечательное средство самовыражения, через которое воспитывается в людях всё доброе и прекрасное. А само слово «театр» переводится с греческого языка как «зрелище». Почему с греческого? — она медленно обвела взглядом учеников.

Притихшие школьники внимательно слушали преподавателя. Лариса Васильевна улыбнулась и продолжила:

— Потому что именно в Греции зародилось это искусство, которое объединяет работу целого коллектива: актёров, драматургов, костюмеров. А кто ещё работает в театре, как вы думаете?

— Кто-кто? Кассиры, конечно! — крикнул по привычке Витя Афанасьев и смешно закрыл ладошкой рот.

— Верно, Виктор, — Лариса Васильевна кивнула, — в театре целая команда специалистов. Это осветители и художники-декораторы, гримёры и суфлёры. Но главный человек в современном театре — это кто?

— Можно, я скажу? — Афанасьев вытянул правую руку и нетерпеливо замахал ей, как маятником.

— Отвечай, Витя.

— Знаменитый артист! — радостно выпалил он.

— От таланта артиста, конечно, многое зависит, — качнула головой педагог, — но самый важный человек в театре — это режиссёр или художественный руководитель.

— А в нашем театре режиссёром будете вы? — заискивающе спросила Катя Чумакова, которую одноклассники между собой звали «Чума».

Обычно в школах клички давали по фамилии или по внешности. В прозвище Кати это объединилось. Чумакова была неугомонная, взбалмошная и достаточно агрессивная особа с пышным конским хвостом на голове. К концу уроков этот хвост обычно распадался, и девочка носилась по коридору, размахивая одновременно портфелем и своими непослушными прядями волос.

— Да, Катюша, режиссёром буду я, — кивнула учительница.

В этот момент в класс вернулась Зуева и, тщательно вытерев доску влажной тряпкой, крупно написала слово: «Роли».

Тонкую, как стебелёк, принцессу посчастливилось играть Сонечке Лисицкой, той самой, со светлыми косичками. Она даже покраснела от восторга. Хотелось подпрыгнуть и громко завизжать от радости. Соня оглянулась на своих одноклассников, но никто не разделял нахлынувших на девочку эмоций. Её лучшей подруги Людмилы Субботиной сегодня в школе не было, а так не хватало сейчас её одобрительного взгляда.

Правда, Вовка Карасёв тихо проговорил:

— Принцеса! — и негромко рассмеялся.

Несколько одноклассниц явно расстроились, что главная роль досталась не им, тем более что самый красивый мальчик в классе — Денис Романов — будет изображать смелого рыцаря. Впервые, когда прозвенел звонок с урока, никто не выбежал из класса на перемену. Все продолжали активно обсуждать оставшиеся роли.

— Катюша, ты в нашей сказке сыграешь старую колдунью, мачеху принцессы, — сказала Лариса Васильевна и посмотрела на бойкую Катерину Чумакову.

Все захихикали, а будущая колдунья скорчила недовольную гримасу и, на всякий случай, показала весельчакам кулак.

— Старую колдунью? — разочарованно проговорила она, мимолётно глянув на Дениса. — А почему я?

— Ребята, я вам открою маленькую тайну, — учительница улыбнулась, а шестиклассники сразу притихли. — Любая роль трудна, а роль отрицательного героя — особенно. Говорят, что даже профессиональным актёрам очень трудно играть злодеев, однако некоторым из них это удаётся настолько хорошо, что они надолго запоминаются зрителям своим потрясающим перевоплощением. Играть положительного персонажа куда проще. Представьте, сколько надо таланта и артистических данных, чтобы зритель вам поверил, чтобы от вашего взгляда и слова ему стало страшно. И никто не вспомнит, что на сцене стоит Катя или Рома, перед ними будут страшная колдунья и огнедышащий дракон! В этом и заключается сила искусства!

Лариса Васильевна замолчала, с интересом поглядывая на своих учеников. Она заранее знала, что все они захотят играть принцессу и рыцаря, поэтому продумала этот короткий монолог про отрицательных персонажей. И, кажется, это подействовало.

— Я сыграю Лешего, можно? — привстал со своей парты троечник Вова Карасёв и смущённо улыбнулся.

— А я — сестру злой колдуньи! — нетерпеливо маша рукой, крикнула упитанная Ирина Грошева.

За пару минут отрицательные роли были разобраны. Ребята живо обсуждали всех исполнителей, выходя на перемену.

— Эй, принцесса, — высокомерно крикнула Катя Чумакова Соне, — вживайся в роль, а то тебя зрители тухлыми яйцами закидают!

Рядом стоящая Грошева захихикала, а будущая колдунья, услышав одобрительный смешок, настойчиво продолжила обижать свою беззащитную одноклассницу. Передразнивая Соню, она тоненьким голоском произнесла:

— Ах, рыцарь, спаси меня! Я боюсь страшную колдунью!

— Завидуй молча, Чума, — твёрдо сказала Нина Буряк и, взяв Лисицкую за руку, прошептала: — Не обращай на неё внимания!

Когда Соня после первой репетиции пришла домой, она первым делом кинулась в комнату к маме. Тамара Тимофеевна сидела за письменным столом, склонившись над тетрадями.

— Мама, Лариса Васильевна будет ставить спектакль! И в нём будут играть все ребята из нашего класса!

— Интересно, — женщина положила шариковую ручку на стол и повернулась к дочери, — а что за постановка?

— Сказка «Заколдованная принцесса»!

— Сказка?

— Да, и я буду играть в ней главную роль — принцессу, представляешь! — она обняла мать и счастливо улыбнулась.

— Я рада, что тебе досталась эта роль. Наверное, многие одноклассницы хотели сыграть именно принцессу?

— Многие, — вздохнула девочка.

— Поэтому, доченька, ты должна это сделать так, чтобы никто не пожалел, что эта роль досталась тебе.

Софья задумалась.

— А если у меня не получится? — она повернулась к большому зеркалу и критически посмотрела на своё отражение.

— Получится! Просто надо научиться перевоплощаться.

— Вот и Лариса Васильевна так говорит, — кивнула школьница, — но ведь талант есть не у всех?

— У тебя он точно есть, — улыбнулась мама, — как ты копируешь своих одноклассников, а? А как показываешь нашу соседку и бабушкину подругу? — она засмеялась.

— Правда, мамулечка? — переспросила недоверчиво Сонечка. — Ты считаешь, что у меня есть талант?

— Правда-правда. Ты у нас настоящая актриса!

— И меня не закидают тухлыми яйцами? — спросила девочка и даже поёжилась, представив эту картину.

— Будут аплодировать, — уверенно произнесла Тамара Тимофеевна и поцеловала дочь в щёку.

Приближались зимние каникулы, а вместе с ними и премьера спектакля. В актовом зале уже строились незамысловатые декорации, а одноклассники только и говорили о предстоящем выступлении. На первом этаже вывесили большую афишу, как в самом настоящем театре. Софья ужасно волновалась, тем более что по сценарию Денис Романов в самом конце сказки должен встать перед ней на одно колено и сказать, что любит её. Нет, не Соню, конечно, а принцессу, которую она играет. Но для девочки это было одно и то же. На репетициях на этом месте она всегда предательски краснела, потому что безоглядно была влюблена в Дениса. О своём отношении к мальчику она не рассказывала никому, даже Людке. Наверное, подруга всё-таки догадывалась о Сонечкиных пылких чувствах. Особенно после того, как Лисицкая, рассматривая снимки в семейном альбоме Субботиных, увидела фотографию из детского сада. Всматриваясь в нечёткие лица детей, она спросила у одноклассницы:

— Ты в детском саду была с Романовым в одной группе?

— Ага, — безразлично ответила Людмила.

— Какая ты счастливая, — вырвалось у Софьи.

— Вот уж счастья полные штаны, — как всегда с сарказмом произнесла подруга, — что ты в нём нашла?

— Он — красивый, — призналась та, — и скромный.

— В тихом омуте черти водятся, — назидательно проговорила Субботина, — ты, Лисичка, совсем не разбираешься в людях.

Сонечка не любила, когда одноклассники её называли «Лисой» или «Лисичкой» в зависимости от настроения обращавшегося к ней, но на Людку она не обижалась. Она всегда прислушивалась к её словам, считая подругу умной, а её мнение — авторитетным. Вот и сейчас Соня только пожала плечами, не собираясь переубеждать Субботину. Может быть, она и не разбиралась в людях, но Денис не мог быть плохим, и в этом девочка была уверена.

— А хочешь, давай ему позвоним? — пришла идея в голову Людмиле.

— Давай, — обрадовалась Соня.

Субботина уверенно набрала номер телефона одноклассника и подала трубку подруге. Сонечка взволнованно прижала её к уху, ожидая ответа. Но раздавались только равнодушно-унылые монотонные гудки. Она облегчённо вздохнула и собралась водрузить трубку на место, когда неожиданно услышала такой знакомый бархатный голос:

— Алё.

В выпученных глазах Софьи появился панический страх.

— Быстро говори что-нибудь, — командным тоном прошипела ей на ухо Людмила и тут же посоветовала, — спроси у него домашнее задание.

Растерявшаяся девочка только махала головой и открывала беззвучно рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Я вас не слышу, — раздался в трубке невозмутимый голос Дениса, и послышались короткие гудки.

— Какая же ты трусиха, — осуждающе сказала Людка после того, как вернула трубку телефона на аппарат.

— Да, я растерялась, — вздохнула девочка, пытаясь оправдаться.

И вот наступил важный день — день премьеры. Актёрский зал был переполнен. На первом ряду сидел почти весь педагогический состав школы и гости из районного отдела образования. Остальные ряды заняли учащиеся и родители. Даже повара из школьной столовой пришли посмотреть представление. За занавесом волновались двенадцатилетние актёры, поочерёдно посматривая в зрительный зал через узкую щёлку между тяжёлых кулис. Лариса Васильевна в красивом длинном платье вышла на сцену и торжественно объявила о начале спектакля. Через минуту зазвучали напряжённая музыка и свист ветра, началось сказочное действие. В костюме из лохмотьев на сцену выскочил Леший, мешая пробраться сквозь чащу отважному рыцарю, чтобы спасти свою прекрасную принцессу. Злая мачеха со своей сестрой напрасно колдовали, чтобы погубить бедную девушку. На протяжении всего спектакля Софья была одета в простенькое застиранное платьице, а в последнем акте, когда чары страшной колдуньи спадают, она должна была предстать перед зрителями в роскошном наряде принцессы. Наряд этот шила знакомая Ларисы Васильевны и принесла его в школу перед самым выступлением. Юная актриса даже не успела его примерить. И вот, когда оставалось пять минут до выхода в финальной сцене, она стала натягивать на себя платье, усыпанное драгоценными камнями, которые были сделаны из разбитых разноцветных ёлочных игрушек. Соня старательно протискивала голову в узкий вырез, когда неожиданно кто-то подошёл со спины и резко дернул за подол платья. У несчастной принцессы от острой боли, словно искры из глаз посыпались, битые стёкла безжалостно прошли по щеке и шее, оставляя кровавые следы. Сдерживая слёзы, Софья тут же выглянула за дверь и увидела убегающую по коридору Катючу Чумакову. Она вернулась в раздевалку и подошла к зеркалу. Лицо было в кровавых царапинах, и они больно щипали. Школьница всхлипнула и стала судорожно искать своё пальто, в кармане которого всегда был носовой платочек. Зазвучала торжественная музыка последнего акта, «принцесса» понимала, что ей пора возвращаться на сцену. Лариса Васильевна, заглянув в раздевалку, только ахнула.

— Сонечка, откуда кровь?

— Я платье надевала, — пробормотала девочка, осторожно вытирая носовым платочком красные потёки.

— Ты потерпи, милая, — учительница присела на корточки перед юной актрисой и успокоила её, — скоро кончится спектакль, и я тебе обработаю ранки.

— Мне не больно, — Софья улыбнулась, сдерживая слёзы.

— Ты настоящая актриса! А сейчас, — она потянулась к своей сумочке и достала оттуда пудру, — я тебя загримирую!

Лариса Васильевна проворно провела мягкой губкой по щеке девочки и прошептала:

— Потерпи.

Когда закончился спектакль и довольные актёры вернулись в раздевалку под громкие аплодисменты зрителей, Соня спряталась под лестницей и расплакалась. Она знала, что плохо сыграла в последнем акте. И не только оттого, что сильно щипала кожа на лице. Ей было обидно, что Чума злобно смотрела на неё и усмехалась во время финальной сцены, а Денис, встав на колени, что-то невнятно бормотал себе под нос, даже не глядя на «принцессу». И этот невнятный лепет совсем не был похож на признание в любви. Всё это было больнее, чем ранки, оставленные битым стеклом. Спустя несколько минут её нашла Людка и, обняв подругу, прошептала:

— Не надо плакать, ты очень хорошо играла, честное слово!

— Это ты говоришь, чтобы меня успокоить, — всхлипывая, проговорила Сонечка, вытирая слёзы.

— Разве я тебя когда-нибудь обманывала?

— Нет, — покачала головой девочка.

— То-то же, — улыбнулась Субботина и потянула подругу за руку, — пойдём, тебя Лариса Васильевна ищет.

2. Кусочек свободы

Сонечке очень хотелось показать своим одноклассникам, а в первую очередь вредной Чуме, что она выше этого конфликта. Ей мечталось, что после зимних каникул она войдёт в класс в новом платье или, хотя бы, в вязаной кофточке с норвежским орнаментом, как у Таньки Герко из седьмого «Б». Она небрежно бросит на сиденье парты не свой потёртый портфель цвета детской неожиданности, а модную тёмно-синюю сумку на длинной ручке с многочисленными отделами по бокам. Именно такую она как-то видела у одной старшеклассницы. И тогда все бы посмотрели на неё с уважением, а противная Катька Чумакова даже с завистью. Соня тяжело вздохнула, натягивая на школьное платье старомодную жилетку грязно-зелёного цвета с розовой полоской вдоль V-образной горловины. Она знала, что обновки просить у родителей бесполезно, мама всегда отвечала одинаково:

— Пока мы не расплатимся за кооператив, будем на всём экономить! И ты, доченька, это должна понимать.

Это нескладное слово с двумя повторяющимися буквами «о» она ненавидела всей душой. Девочке казалось, что эта выплата никогда не закончится! И поэтому не стоит рассчитывать на новые туфли и блузки. В лучшем случае, мама отдаст знакомой портнихе свой поношенный шерстяной сарафан, чтобы та перешила его в юбку с помочами для Сони. На беду весной у форменного школьного платья протёрлась ткань на локтях. Бабушка, недолго думая, взяла большие портняжные ножницы и отрезала рукав вместе с дыркой.

— И с короткими неплохо, — пробормотала она, подшивая отрезанный край на швейной машинке, — уже тепло, не замёрзнешь!

А осенью оказалось, что Софья за лето «вытянулась», и рукава зимнего пальто стали ей коротки. Поэтому их, наоборот, наставили цигейковыми манжетами. К каблукам неказистых чёрных сапог, у которых всегда заклинивал замок, папа прибил маленькими гвоздиками резиновые набойки и, возвращая дочери отремонтированную обувь, с довольным видом произнёс:

— Ещё на одну зиму хватит, если будешь аккуратно носить!

Сонечка очень смущалась своего внешнего вида. Она понимала, что триумфального входа в класс после каникул не будет, и эта серость и безысходность её угнетали. Она мечтала быть принцессой, но не такой, как в сказке, а обычной модной девочкой, у которой будут новые красивые вещи и обувь, своя комната с раскладным диваном и современной мебелью. Как только начинался отопительный сезон, к ним приезжала жить бабушка из деревни, чтобы экономить на дровах. Вот и сейчас она спала с ней на неширокой тахте. Старушка по ночам постоянно храпела, и даже мечтать под её монотонные хрюкающие звуки, вырывавшиеся из открытого рта, было неинтересно. Соня крепко сжимала веки и напряжённо вспоминала прошлое лето и её поездку к бабуле в деревню. Не к этой, а к другой — папиной маме. Там было для неё никем не контролируемое раздолье. На подоконнике в летней кухне всегда валялись медные монеты по три и пять копеек. А много ли девчонке надо на каникулах? Билет в сельский клуб стоил пять копеек, мороженое — десять, а всё остальное бабуля покупала для внучки сама. Или пекла. Сонечка даже слюну глотала, припоминая запахи пирогов, сдобников и булочек, которые бабуля доставала из печи. Перед обедом, туго затянув на голове платок, она садилась за сепаратор, чтобы взбить сливки и сделать из них масло. Сонечка часто наблюдала за работой любимой бабушки, а потом получала в награду детали сепаратора и миску. Не для мытья, а для облизывания. Процесс этот был долгий и очень приятный. Сливки напоминали крем, правда, со слегка солёным привкусом, потому что бабуля в них добавляла соль, чтобы продукт не портился. Девочка любила погулять по саду, срывая по ходу спелую грушу или яблоко. Плоды она тут же мыла холодной водой из шланга и кусала сочную мякоть. А в дальнем углу сада стояла деревянная постройка неизвестного архитектора в виде будки, которую со всех сторон опле-

тал виноград. Туалет использовался Соней не только по своему прямому назначению. Во-первых, это был своеобразный наблюдательный пункт, через щели которого просматривался не только бабушкин, но даже соседский двор. Во-вторых, здесь можно было бесконечно рассматривать поздравительные открытки, которыми были оклеены стены, а в-третьих, — читать. В потрёпанном школьном портфеле, прибитом к двери здоровенным ржавым гвоздём, лежали пожелтевшие газеты, журналы и даже тонкие детские книжонки. Они были изрисованы и перечёркнуты цветными карандашами не одним поколением выросших в этом доме детей. Соня могла просидеть на деревянном пьедестале целый час, уткнувшись в интересную статью в журнале и забыв, зачем она сюда пришла. Ей даже не мешало монотонное жужжание мухи, попавшейся в паутину коварного паука, медленно подбиравшегося к несчастной жертве.

В первые дни осени, соскучившиеся друг по другу одноклассники, делились впечатлениями о летних каникулах. Большинство отдыхало на даче, у бабушки в деревне или в пионерском лагере. Но были и те, кто с родителями посетил Ленинград или Москву. Они взахлёб хвастались тем, что видели и где побывали. «Счастливые, — патриотично думала Соня, — это же мечта — своими глазами увидеть Смольный или Красную площадь — сердце нашей Родины!» Именно так было написано в учебнике по истории про сердце, и Софье очень нравилось это выражение. Но Валюшке Кузькиной повезло больше всех — её положили в больницу в самом начале учебного года. Если бы она заболела летом, никто бы и не узнал про её аппендицит. А теперь операция Валентины стала самой главной новостью для школьников, и весь класс ходил навещать девочку, сбрасывая по десять копеек ей на гостинцы. Через приёмный покой Кузькиной передавали не только фрукты и сладости, но и учебники с домашним заданием. Валя, в простенькой полосатой пижамке, смотрела со второго этажа через окно на своих товарищей и вяло им махала рукой. Она была такая худенькая и бледненькая, что некоторые посетительницы всхлипывали от жалости. Все ей сочувствовали, а учителя беспокоились о здоровье девочки.

— Мы должны поддержать Валю, — участливо сказала на уроке Лариса Васильевна, — чтобы она выздоровела и не отстала от школьной программы.

После уроков классный руководитель распределяла, кто идёт навещать одноклассницу.

Валентина, которая училась на четыре с минусом, вдруг стала, по мнению педагогов, «умной и талантливой». Софья никогда не лежала в больнице, и для неё это было самое обидное. Всю зиму она измеряла температуру, но градусник никак не реагировал на старания девочки. И только тогда, когда у подъезда зацвела вишня и детвора, сбросив с себя тёплые вещи, стала играть на спортивной площадке в волейбол, на Сонином носу неожиданно появился некрасиво синюшный бугор. Нарыв на самом видном месте быстро стал увеличиваться в размерах и болеть. Мама, приложив к язвочке кусок листа алоэ и закрыв платочком, отвела дочь к доктору. Диагноз был поставлен немедленно. Прищурив глаза, женщина-врач минуту рассматривала Сонин нос, потом перевела внимательный взгляд на Тамару Тимофеевну.

— Фурункул, — грустно сказала она, — и очень на опасном месте, близко к мозгу. Придётся девочку госпитализировать.

Из поликлиники Софья, забыв про боль и некоторую уродливость на своём лице, шла счастливая, мысленно составляя список, кому сообщить о своей серьёзной и очень опасной болезни. Она попросила маму позвонить в школу, Людке, Нинке, ещё несколькими родственникам и дрогнувшим голосом назвать номер больницы, куда направили её дочь.

— Почему же дрогнувшим? — поинтересовалась мама с улыбкой.

— Потому что близко к мозгу, — коротко, но убедительно ответила Соня.

В больничной палате она быстро освоилась, по-хозяйски разложив на полочках тумбочки свои вещи и гигиенические средства. Она познакомилась с соседками, оценила столовую и

даже побывала в процедурной, где ей наложили на больное место повязку с ихтиоловой мазью. Соня стоически переносила невыносимый запах лекарства, накапливая впечатления, которыми она будет делиться с подругами. Она ждала делегацию из класса, надеясь, что среди посетителей будет и Денис. Мама, навестившая её на следующий день, сообщила, что ребята придут к ней через два дня. Сонечка мысленно отрепетировала «свой выход» к одноклассникам. Она даже договорилась с молоденькой медсестрой, чтобы та перебинтовала ей лицо, оставив только глаза. Девочка представила, как таинственно и эффектно она будет выглядеть с этой повязкой, словно восточная принцесса из сказки про Аладдина. Но на третий день пребывания в хирургическом отделении её выписали, как раз перед долгожданной встречей. Несчастная жертва гнойно-воспалительного заболевания попыталась доказать, что она нездорова и что ей необходимо лечиться в стационаре ещё неделю, как минимум. Однако седой доктор, пряча улыбку в своих густых усах, строго сказал:

— Лисицкая, идите домой и больше не болейте.

Расстроенная девочка собрала свои вещи и, попрощавшись с другими пациентами, покинула негостеприимную больницу.

В конце августа, перед самым началом учёбы в восьмом классе, школьников собрали в вестибюле и объявили, что первого сентября они отправляются в трудовой лагерь, помогать колхозу «Путь к коммунизму» в уборке урожая. Поездка эта носила добровольно-принудительный характер, однако пропустить эту неизбежную трудовую повинность без уважительной причины было нельзя. Но старшеклассники и не пытались отлынивать от этого мероприятия. Для них это было невероятно интересное и экзотическое приключение. «Колхоз» для четырнадцатилетних подростков ассоциировался не с каторжной работой на полях, как, наверное, предполагали педагоги и родители. Нет, это была капля свободы для советских детей, воспитанных на принципах, уничтожающих стремление к индивидуальности. А здесь, среди бескрайних полей овощных культур, ученики ненадолго обретали её, эту свободу. Свободу от уроков, ежедневных домашних заданий, наконец, от родительской опеки. Они ощущали себя взрослыми и независимыми людьми, которые способны сами принимать решения. Для большинства эта поездка в колхоз стала первым опытом самостоятельной жизни вне семьи на столь длительный промежуток времени. А ещё это была возможность заработать деньги, пусть мизерные, но свои.

Школьный лагерь представлял собой длинный деревянный барак с нарами, на которых размещались полосатые ватные матрацы. Они служили спальными местами для сотни ребят старших классов. Сверху это «ложе» закрывал марлевый полог, спасающий от назойливых крылатых насекомых, в огромных количествах кишящих в летнее время года, особенно за городом. Причём один полог был на два матраца, по-видимому, из экономии. Зато школьникам это было на руку. Спрятавшись под белым балдахином, словно в домике, они тихо секретничали перед сном, чтобы не услышала классная руководительница Лидия Николаевна, кровать которой стояла у входа в барак. Она зорко наблюдала сквозь тонкий слой марли за своими подопечными, казалось, и днём и ночью.

Столовая с длинными самодельными столами и «красный уголок» — вот и весь быт на целый месяц! Зато никаких уроков, а каждый вечер танцы или просмотр фильмов прямо под открытым небом. Одним словом — свобода! Софья была разочарована лишь одним обстоятельством — красавчик Денис Романов в колхоз не приехал. На поле ребят возили в грузовых машинах, которые подсакивали на колдобинах, вызывая у подростков всеобщее веселье.

Осень была тёплая, урожай — богатый, а работали только полдня. Что ещё нужно для счастья? Кроме быстро надоевших помидоров можно было пожить кукурузой, метёлки которой плавно покачивались на соседнем поле. Правда, учителя нещадно ругали тех, кто зани-

мался «хищением социалистической собственности», однако никого это особо не останавливало.

Здесь не было «двоечников» и «отличников». Здесь у всех были равные права, и авторитет можно было заслужить среди ровесников не ответом у доски, а реальным поступком. Как это случилось с Карасёвым. Отстающий по многим предметам Володька, каждый раз собрав свою норму ящиков спелых томатов, спешил помочь девочкам на поле, таская их полные вёдра и подсаживая уставших одноклассниц в машину.

Суровая Лидия Николаевна, которую за глаза ученики называли просто Лидия, бдительно следила за моральным обликом своих воспитанников. Она с таким воодушевлением громко делала замечания девочкам, что часто изо рта вылетали капельки слюны. По мнению Лидии, приличным школьницам нельзя громко хохотать, надевать слишком короткие юбки и прозрачные блузки, а главное — «прижиматься» во время медленного танца к мальчикам. Она скрупулёзно проверяла туалеты и душевые на предмет запаха табака, повторяя, что курить категорически нельзя. Она грозила указательным пальцем подопечным и строго предупреждала: если узнает, что кто-то курил, то провинившийся ученик вылетит из школы в два счёта. Но, как говорится, запретный плод всегда сладок. Именно в тот приезд в колхоз Софья попробовала и сигарету, и «специальные таблетки». Наташа Кожина шепнула ей однажды перед танцами, что у неё кое-что есть.

— У мамы стащила, — прошептала она и разжала кулак, показав две белые таблетки, — хочешь попробовать?

Соня знала, что мама Наташи работает медсестрой в больнице, поэтому, отбросив все сомнения, сразу согласилась. «Кое-чем» оказались элементарные таблетки димедрола. Школьницы героически глотнули по таблетке, запили стаканом воды и, усевшись у радиолы в красном уголке, стали ждать «кайфа». Приятный мужской голос пел любимую песню о клёне, который шумел над речной волной, а пары топтались на месте, изображая медленный танец. Подруги заснули прямо на стульях, крепко прижавшись друг к другу.

Спустя годы девочки часто вспоминали свой первый опыт с седативным препаратом и весело хохотали над своим простодушием и наивностью.

Несмотря на мелкие шалости, весь сентябрь Соня вместе с другими школьниками отчаянно собирала спелые помидоры на колхозных полях, и в итоге она оказалась в пятёрке самых результативных работников. На итоговом мероприятии её наградили почётной грамотой, да ещё и выдали зарплату — целых сорок два рубля! Девочка бережно принесла свой первый в жизни заработок домой. Половину она отдала маме, а на оставшиеся деньги купила ткань на блузку и юбку. Она уже рисовала модели своего наряда для сентябрьского первого урока в этом году, когда к ней примчалась запыхавшаяся Людка и сообщила, что нашла портниху, которая сошьёт им новую школьную форму.

— Мама с ней уже договорилась, — выпалила Субботина, — она нам сделает одинаковые кофточки и юбки практически за «копейки».

Софья, не раздумывая, свернула в газету куски новой ткани и поспешила за подругой к мастеру. На пороге их встретила немолодая женщина в переднике и с жёлтой лентой закройщика вокруг шеи. Она пригласила гостей в небольшую светлую комнату. У окна стояла ножная швейная машина, рядом с которой прямо на полу валялись кусочки разных тканей и ниток. Соня покосилась на большое зеркало и подала портнихе свёрток с тканью. Женщина разложила материал на столе, сантиметром измерила сначала Соню, потом белую ткань.

— Милая, здесь на погончики не хватит, — сообщила она, покачав головой.

Девочка была в отчаянии и готова разреваться.

— Ведь это было самое главное на рубашке, — проговорила она, всхлипывая, — острые погончики, крепящиеся на плечах у воротника на стойке!

— Ладно, — махнула рукой портниха, — как-нибудь выкрутимся! Если что, из твоего куска возьму, — сказала она, глянув на Людку.

— Да, пожалуйста, — согласилась Субботина.

— Ты только пуговицы принеси к примерке, — кивнула женщина Соне.

О них школьница как-то не подумала, да и денег уже не оставалось. Дома она порылась в старых маминых вещах и нашла заношенную румынскую кофточку с чудесными перламутровыми пуговицами. Не раздумывая, она срезала их все до одной, сложила в газетный кулёчек и отнесла мастеру. На обратном пути она забежала к своей подруге Людке, которая жила на первом этаже пятиэтажного дома рядом со школой.

— Лимонад холодный будешь? — Субботина распахнула дверцу холодильника, который стоял у них в коридоре.

— А то, — обрадованно ответила Соня, — пить ужасно хочется!

— И мне. Жалко, что его нет, — подруга хихикнула и закрыла холодильник.

Гостья шутиливо показала подруге кулак, понимая, что она опять попала на Людкину подколку. Они уселись по обыкновению за кухонный стол у окна и, попивая чай с конфетами, комментировали всё происходящее за окном.

— Слушай, а Левин бросил Ленку Малышкину, представляешь?

— Нет, я вчера их вместе видела!

— Значит, помирились. А вон видишь, старший Ивановский идёт?

— Где-где?

— Да вон, в фирменных джинсах! Нос кверху задрал, никого не видит, — Людка усмехнулась, рассматривая парня.

Про братьев Ивановских в их школе ходили легенды. Правда, старший — Виталий — уже учился в институте, да и младший, Вадим, в этом году заканчивал среднее обучение. Оба были высокие, спортивные, красивые, да ещё и модно одетые. Девчонки вились вокруг них, будто мотыльки у яркого огня. Людка знала про любовные похождения этих родственничков, потому что жила с ними в одном подъезде с самого рождения.

— Говорят, из-за Виталика одна девушка себе вены на руках порезала, представляешь? — сообщила она с таинственным видом.

— Вот это любовь, — вздохнула Соня.

— Это не любовь, а дурость, — совершенно прагматично изрекла подруга, используя фразу, явно услышанную из взрослого разговора, — у неё таких Виталиков ещё десяток был бы!

— Она умерла? — испуганно спросила собеседница.

— А ты думала?

— Какой ужас! А вот в тридцать третьей школе одна девочка выбросилась из окна пятого этажа. Тоже из-за несчастной любви.

— Вот сумасшедшая!

— Её спасли.

— Повезло.

— Как сказать, — Софья покачала головой, — мало везения, если останется на всю жизнь инвалидом.

— Ну, сама виновата, — пожала плечами Субботина, — любовь приходит и уходит, — добавила она философски.

— Ну, бывает же одна-единственная! Помнишь у Николая Доризо:

Пускай любовь сто раз обманет,
Пускай не стоит ею дорожить,
Пускай она печалью станет,

Но как на свете без любви прожить?

— Ой, Лиса, какая ты глупая!

— Ничего я не глупая, просто верю в настоящую любовь! — обиженно проговорила Софочка.

— Ладно, не глупая, — Людка обняла подругу, — просто очень романтическая.

— А ты разве не романтическая?

— Я — не романтическая, — твёрдо заявила девушка и, прищёлкнув языком, добавила, — а прагматичная.

— Ой, ни за что не поверю, что ты не хочешь, чтобы в тебя влюбился какой-нибудь парень, — покачала головой гостья.

— Чтобы какой-нибудь? — Субботина изобразила пренебрежение на своём лице и даже передёрнула плечами. — Не хочу!

— Ну, хорошо! Пусть не какой-нибудь, а красивый, умный, порядочный, — улыбнулась Сонечка.

— Ха, — хмыкнула собеседница, — а откуда же он возьмётся? Вокруг сплошные недоноски!

— Нет, есть и хорошие ребята.

— Например, Романов, да?

— Ну, при чём здесь Романов? — смущаясь по обыкновению, когда речь заходила о Денисе, отвечала Софья.

Такие разговоры могли идти бесконечно, пока не приходил Людкин папа с работы и командным тоном не произносил, взяв газету, словно рупор:

— Молодёжь, расходись!

Подруги резко вскакивали с мест, Соня направлялась в коридор, на ходу надевая босоножки и застёгивая на лодыжках непослушные хлястики, а Люда, умоляя отца разрешить проводить подругу «хотя бы до угла», суетливо протискивала пальцы в безразмерные шлёпанцы. На углу дома Субботиной они по обыкновению стояли ещё около часа, поминутно отвечая на приветствия проходящих мимо знакомых.

3. Маленькие радости

Восьмилетку Софья закончила на отлично, но начавшиеся летние каникулы не сулили ничего хорошего. Всё было как всегда, и кроме ежегодной поездки к бабуле, никаких развлечений не ожидалось. Однажды Тамара Тимофеевна, вернувшись из гостей, сообщила Сонечке, что какая-то медсестра, тётя Галя, через какого-то знакомого товароведа, Марию Федоровну, «достала» недорогую, но очень качественную пальтовую ткань для своей взрослой дочери, но девушке она не понравилась. Ничего не понимающая Софья пожала плечами и собралась сказать, что ей нет дела до этого, но мама, держа объёмный куль в руках, торжественно произнесла:

— И она предложила мне! Посмотри, — женщина развернула свёрток из плотной коричневой бумаги, — это на твоё новое пальто!

Соня увидела синий драп и, радостно вскочив с дивана, запрыгала, как ребёнок. Наконец, и у неё будет настоящее «взрослое» пальто! Прошлую зиму она проходила в осенней куртке, потому что пальтишко с цигейковым воротничком из грязно-болотного материала она надевать стеснялась. Девушка приложила ткань к груди и подошла к большому зеркалу. Поворачиваясь то вправо, то влево, она любовалась обновкой.

— Нравится? — спросила Тамара Тимофеевна.

— Очень! А кто будет шить?

— Закажем в ателье, — улыбнулась мама, глядя на взволнованную дочь.

— Со шлицей и пушистым воротником, да?

— Обязательно! — пообещала женщина.

— Мамочка, — Соня положила драп на диван и обняла женщину, — какая же я счастливая! Спасибо тебе!

— Я рада, что ткань тебе понравилась, — Тамара Тимофеевна легонько похлопала Соню по спине.

На воротник мамина приятельница, тётя Лиля, пожертвовала свою старую песцовую шапку. Конечно, он получился куцый и с желтизной, но это был песец! Сонечка нашла в прошлогоднем журнале «Работница» заметку о том, как надо освежить мех. Она разложила на полу газеты, на них — пальто и взялась за дело. После вычёсывания крахмала воротник не побелел, но уставшая девушка была рада тому, что хотя бы не испортила свой новый воротник из старой шапки.

В это предпоследнее школьное лето Сонечке ещё раз несказанно повезло. На работе у папы неожиданно объявилась лишняя горящая путёвка для детей сотрудников. И не в какой-нибудь Мухосранск, как иронично называла отдалённые населённые пункты соседка по площадке Любовь Ивановна, а в легендарную Ригу! Наскоро собрав в чемоданчик всё самое необходимое, родители отправили любимое чадо в Советскую Латвию, сунув в кошелёк дочери скромные сбережения. Пятнадцатилетняя девочка решила экономить по максимуму и купить себе европейские наряды. Теперь-то она удивит своих одноклассников, думала Соня, жадно рассматривая одежду молодых латышек на улицах, журналы мод в киосках и манекены в витринах магазинов. Ещё на выезде из родного города она для себя решила, что мороженое, пирожные и другие вкусности она на время разлюбит, очень хотелось «приодеться». Вместе с другими школьниками Софья с восторгом осматривала местные достопримечательности, тем более что экскурсии, питание и проживание в скромной гостинице входили в стоимость туристической путёвки. Прибалтика для советских людей была чем-то вроде своего собственного кусочка Европы — широкие проспекты и узкие чистые улочки городов, таинственные названия на латинице, отсутствие дефицита в магазинах. Столица Латвии была неизменной съёмочной площадкой для художественных фильмов про «заграничную жизнь». Здесь снимали

исторические картины, используя архитектуру старинных зданий и сооружений. Экскурсовод показала ребятам «Цветочную улицу», по которой ходил профессор Плейшнер в знаменитом многосерийном фильме про Штирлица. Вместе с другими школьниками Сонечка прогулялась по узким и запутанным мощёным улочкам Старого города, ощутив атмосферу Средневековья. Она с восторгом осматривала великолепный Домский собор, городскую ратушу, замки и мемориалы. Причудливые янтарные камушки подарили ей местные ребята, с которыми она познакомилась на берегу Балтийского моря, где любовалась седыми волнами и вековыми соснами. Кроме интересных впечатлений от поездки, Соня привезла с собой и обновки. Она умудрилась купить не только сногшибательную джинсовую куртку с вышивкой на спинке, лакированные туфли на танкетке, серый плащ модного покроя, но и сумку, как у той самой старшеклассницы, о которой она мечтала. Правда, не синюю, а бордовую.

Начало очередного учебного года Соня ждала как никогда. Но вот лето прошло, и остались позади беззаботные дни каникул. Оранжевые краски сентября как будто наполнили весь мир своей сочностью, радуя глаз яркой палитрой. Чародейка-осень открыла очередной модный сезон, облачив деревья и кустарники в живописные платья и камзолы. Даже вечнозелёные ели смотрелись ярко среди жёлто-бордовых берёз в белых юбочках и тоненьких осин. А безоблачное бесконечное небо! Оно в это время приобретало необыкновенно нежную лазурь. Солнечные лучи нехотя согревали землю, даруя прощальное тепло перед приближающейся стужей. Словно поддавшись этому всеобщему показу нарядов, Софья надела на себя плащ и туфли, приобретённые в Риге. Перекинув новую сумку через плечо, она вышла из подъезда, держа в руке букет из разноцветных астр. Золотистые листья, опадая с деревьев на серый асфальт, приятно шуршали под ногами, когда она неторопливо шла в школу, украдкой поглядывая на своё отражение в витринах магазинов, а тонкие паутинки сверкали на солнце серебром. Соня с лёгкостью перепрыгивала лужи, которые остались после вчерашнего дождя. В них плавали опавшие листья, как разноцветные игрушечные кораблики. Природа словно нежилась в лучах пригревающего солнышка, оставляя ощущение ушедшего лета.

После осенних полевых работ загоревшие и весёлые школьники девятых и десятых классов встретились на ступеньках родного учебного заведения. Впервые Соня чувствовала себя героем. Даже Катька Чумакова, заметив обновки, снисходительно кивнула на плащ с модной кулиской на талии и ехидно спросила:

— Это тебе из бабушкиного перешили? — и, посмотрев на стоящих рядом одноклассниц, с иронией добавила: — На длинный не хватило?

— Нет, — с некоторой долей превосходства ответила Софья. — Этот плащ я в Прибалтике купила, длинные уже не в моде. — И, посмотрев на Субботину, добавила: — Ой, Людок, я же тебе из Риги шарфик привезла! Приходи ко мне сегодня после уроков.

Боковым зрением она наблюдала за Чумой, которая с завистью оглядывала её новый укороченный плащ и туфли, сверкающие шоколадным отливом лака. И ей стало как-то не по себе за свой высокопарный словесный выпад.

«Ничего, — подумала она про себя. — Так ей и надо, не будет выпендриваться в следующий раз!»

Первый урок в девятом классе начался необычно. После звонка в класс вошла директор школы и представила Валентину Павловну — нового учителя истории, которая будет и классным руководителем. Это была седовласая женщина в сером шерстяном сарафане и белой шёлковой блузе с крупной брошкой вместо верхней пуговицы. У неё был строгий сверлящий взгляд и неприятный запах изо рта, смешанный с назойливым ароматом недорогих духов. Это Соня сразу почувствовала, потому что сидела на второй парте. Валентина Павловна тихо произнесла, глядя на школьников:

— Надеюсь, мы подружмся. — И усмехнулась, по-видимому, своим мыслям.

На перемене только и разговоров было про новую «классную». Аделя Давлетова, облокотившись на подоконник, спокойно сказала:

— Она похожа на удава, — и даже поёжилась.

— Точно, — хихикнула Чума.

— Чумакова, а что тут смешного? — Отличник Рома Михайличенко с осуждением посмотрел на Катерину. — У нас, между прочим, последние два года учёбы в школе — самые решающие.

— Вот именно, — со вздохом поддакнула Субботина, — а чего ждать от этой рептилии, я лично не знаю!

— Ничего хорошего, — кивнул Денис, открывая учебник.

— Я слышала, что она пишет такие характеристики своим ученикам, с которыми, как сказала моя соседка, «даже в тюрьму не примут!» — негромко сообщила Нинка Буряк.

— А мне пофиг. — Пожал плечами Вовка Карасёв.

— Да, Карась, ты в армию собрался после десятого класса, и о тебе будет заботиться государство целых два года. — Роман снисходительно похлопал по плечу товарища. — А мне в институт поступать надо.

— Михайличенко, ты умный, ты поступишь. — Чумакова кокетливо поправила каштановый локон на виске.

— Надеюсь, — не глядя на одноклассницу, ответил тот.

— Оказывается, наша новая «классная» — сексотка, — шепнула на ухо своей подруге Людка, — мне Ванька из десятого «В» сказал.

— Сек-сот-ка? — по слогам проговорила Софья и удивлённо уставилась на Субботину. Что-то пошлое и запретное было в этом незнакомом слове.

— Знаешь, кто это?

— Нет. — Девочка развела руки в разные стороны.

— «Сексот» — это сокращённо от секретного сотрудника, — пояснила с важным видом одноклассница.

— Что это значит?

— Стучит она в органы на всех!

— А откуда Ванька знает?

— Здрасьте. — Людмила покачала головой, всем своим видом показывая, что такие вещи надо знать. — У него же мать в райкоме партии работает!

Весь урок истории Соня наблюдала за преподавателем, размышляя над тем, что может заставить человека писать кляузы на окружающих и при этом продолжать спокойно общаться с ними, зная, что после такого «звоночка» у того начнутся неприятности.

Конечно, время сталинских репрессий прошло, но по партийной линии и сейчас могут затаскать вплоть до увольнения с работы.

На первом же классном часе Валентина Павловна сообщила ученикам свои требования к поведению в кабинете истории.

— Портфели на столы не ставить, — заявила она сквозь зубы, сбросив для наглядности новую Людкину сумку с парты прямо на пол.

— Вы что же делаете? — Лицо Субботиной мгновенно залилось краской от возмущения. — Она же дорогая! — добавила школьница, бережно поднимая свою сумку и аккуратно стряхивая с неё пыль.

— Действительно, зачем портить чужие вещи? — подал голос с третьего ряда прямолинейный Вовка Карасёв.

— Ходить и говорить тихо, — словно не слыша своих учеников, продолжила «классная». — Я не люблю, когда галдят.

В знак протеста Аделя Давлетова с шумом поставила свой модный «дипломат» на крышку стола и, изобразив на своём лице пренебрежение, молча уставилась на преподавателя.

— Против ветра плюёте, — прошипела сквозь зубы Валентина Павловна, поглядывая поверх очков на остальных притихших учеников и игнорируя бунтарей-одиночек, и повторила: — Против ветра!

Соня промолчала, а потом весь день чувствовала себя виноватой перед подругой, потому что не вступилась за неё.

После уроков, выйдя из школы, одноклассники высказывались против правил новой классной руководительницы. В пылу жарких обсуждений кто-то из ребят назвал её Валентиной «Падловной». Все весело стали повторять кличку, словно мстя преподавателю за обидные слова.

Поздно вечером, когда Софья улеглась в постель, она мысленно опять вернулась к неприятному случаю, произошедшему во время классного часа. Девочка с новой силой стала бичевать себя за трусость. Одно оправдание, что грубить нельзя, особенно взрослым людям, не приносило желаемого спокойствия. Она завидовала Адельке, её уверенности в своей правоте и даже какой-то отчаянной смелости.

«А у меня кишка тонка выступить против несправедливости», — призналась она самой себе.

Звёзды одна за другой стали таять на порозовевшем небе, когда девушка наконец уснула.

Несмотря на недовольство большинства учеников и даже единичные протесты, на следующий день все ступали по классу тихо, стараясь заходить в него перед самым звонком, чтобы не получить замечание придиричливого педагога. Старшеклассники даже не подозревали, что это ещё далеко не все испытания, которые придумала для них новая «классная». Главным нововведением Валентины Павловны стало патриотическое воспитание девятиклассников, которое выражалось в хоровом пении гимна Советского Союза перед каждым уроком истории. После звонка Падловна подходила к подоконнику, на котором стоял проигрыватель и, ехидно глянув поверх очков на учеников, ставила иголку на пластинку. Раздавалось сначала шипение, а потом бравурная музыка.

— Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов

Единый, могучий Советский Союз! — нехотя выводили подростки, а учительница с длинной указкой в руке ходила вдоль парт и проверяла, не симулирует ли кто. Иногда она даже улыбалась, помахивая ей, словно дирижёрской палочкой. Ученики из других классов посмеивались над ними, громко спрашивая с иронией:

— А вы всё поёте? Прямо хор Александрова!

4. Неудачное свидание

В ноябре выпал первый снежок, и подружки, наконец, надели свои новые пальто. Соня нежно поглаживала пальцами песцовый воротник, а Людка прятала лицо в свою роскошную шальку из рыжего енота. Только шапка из модного мохера у Софьи была оранжевая и совсем не подходила к синему пальто, но других оттенков в магазине не было. Однажды, прогуливаясь между домами после уроков, подружки встретили компанию старшеклассников. Один из парней, белокурый красавец Олег Климов, стал заигрывать с Соней. Шестнадцатилетняя девушка, не привыкшая к вниманию со стороны противоположного пола, сначала растерялась, а потом вместе со всеми хохотала над анекдотами, которые парни рассказывали один за другим. После недолгого общения она согласилась на свидание, которое ей предложил Олег, то ли в шутку, то ли всерьёз.

— К Климову я пойду без шапки, — сообщила Соня подружке, когда они, замёрзшие после прогулки, уселись у неё в комнате на диван погреться, — она совсем не подходит к пальто и всё портит.

— Надо что-то придумать, — Людка уставилась на потолок, — без шапки ты, Лисицкая, колеешь. Менингит подхватишь и сойдёшь с ума!

— Да ну тебя, — махнула рукой девушка, — некоторые всю зиму без шапки ходят и ничего!

— Раз на раз не приходится, — уверенно сказала Субботина.

Она порылась в ящиках маминого гардероба и достала косынку из нежно-розового мохера и, кивнув на стул перед трельяжем, скомандовала:

— Садись!

Людмила ловко повязала вокруг головы Софьи пушистый треугольник, заправив концы внутрь. Смотрелось очень симпатично. Обе подружки остались довольны получившимся головным убором.

— Наденешь свой розовый вязаный свитер. Он будет на шее, как шарф! — резюмировала она.

— Мне ужасно страшно, Людка! Давай на свидание вместе пойдём, — робко предложила Сонечка.

— Ну, нет, — Субботина сложила ладони на груди, — ты ещё весь класс позови, — пошутила она.

«Весь класс — это, конечно, слишком, но если бы меня, такую нарядную, увидел на улице Денис, да ещё рядом с десятиклассником», — мечтательно вздохнула про себя Соня.

На следующий вечер она почти полчаса завязывала разными способами косынку Людки, распушивала и поправляла воротник, потом начистила до блеска сапоги и надела перчатки своей мамы, перекинув её же дамскую сумочку через плечо. Посмотрев в большое зеркало в коридоре, Соня осталась довольна своим видом. До свидания оставалось ещё полчаса, а идти даже самым медленным шагом до места назначенной встречи было не больше десяти минут. Она посидела на диване, потом нетерпеливо прошла по комнате. Чувствуя, что ей становится жарко в верхней одежде, она вышла в подъезд и стала неторопливо спускаться по ступенькам. Когда Софья оказалась на первом этаже, она подняла кисть руки и посмотрела при сумрачном свете лампочки на часы. Прошло только пять минут. В подъезде противно пахло сыростью из подвала. Она вздохнула и вышла на улицу. Белые узорчатые снежинки спускались лениво на скамейки, на одинокие сухие листья деревьев и кустарников, на редких прохожих, сверкая от неярких уличных фонарей. Словно серебристым покрывалом накрылась дорога, и уже не видна была застывшая от мороза грязь на обочинах тротуара. Всё замирало, засыпало, исчезало под ледяным спокойствием и равнодушием снега...

А он всё шёл и шёл... А люди куда-то спешили, оставляя на белоснежном покрывале цепочки своих следов, которые витиевато переплетались между собой.

Мороз слегка пощипывал щёки и нос, а Соня, кутаясь в пушистый воротник, шла медленно и размышляла. Как назвать чувство, столь неожиданно и безрассудно вспыхнувшее в ней? Это влюблённость или нетерпение стать поскорее желанной и любимой? Как любой юной девушке, Сонечке хотелось настоящей и красивой любви, как в кино. Она представляла себя Джульеттой, томящейся в разлуке без любимого. Но в роли Ромео она почему-то видела своего одноклассника Дениса Романова. А как же Климов, к которому она сейчас идёт на свидание? Соня улыбнулась своим противоречивым мыслям и подумала, что она — коварная оболстительница. Пусть этот парень мучается и страдает из-за неё. После нескольких встреч она честно признается Олегу, что любит другого.

Приняв самый независимый вид, девушка шла по аллее, от волнения сжав в кулачке ручку дамской сумочки. Ей очень хотелось, чтобы под следующим фонарём сразу за поворотом стоял Климов и ждал её. Пусть даже без цветов, как это бывает в кинофильмах, главное, чтобы он там стоял. Она уже представляла, как изящно снимет мамину перчатку и элегантно подаст руку для приветствия. Он улыбнётся и пожмёт её замёрзшие пальцы. А потом, как в песне, станет согревать их своим дыханием.

«А я возьму и каждый пальчик твой

Перецелую сердцем согревая...»

Софья даже не могла представить, что будет дальше, главное, что ОН придёт на свидание. Её ПЕРВОЕ в жизни свидание.

Наконец, дорожка повернула направо, девушка обогнула дом и увидела фонарь. От его тусклого света на асфальте образовался оранжевый конус, в котором беззаботно кружились снежинки, такие же, как и у соседнего. Было тихо и пустынно. Соня суетливо достала руку из кармана и, оттянув манжет перчатки, посмотрела на часы. Было без двух минут семь. «Ах, какая же она несдержанная! Пришла на свидание раньше на целых две минуты!» Она тут же ускорила шаг и быстро скрылась в темноте аллеи, мысленно ругая себя за свою поспешность.

— Запомни, девушка должна опаздывать на свидание хотя бы на пять минут, — наставляла её всезнающая Субботина.

Она дошла до трамвайной остановки. Под козырьком был различим одинокий силуэт мужчины, который, по-видимому, замёрз. Он ходил взад и вперёд, постукивая ботинками друг о друга, издавая при этом глухой звук. Неожиданно со скрипом из-за угла вывернул трамвай, ярким фонарём светивший на рельсы. Шумно открылись двери и тут же захлопнулись, впустив внутрь озябшего пассажира. Соня проводила взглядом эту раскачивающуюся электрическую карету и опять посмотрела на часы.

— Пора, — прошептала она и пошла опять на назначенное место.

Дойдя до первого фонаря, она услышала чьи-то шаги впереди, и сердце её бешено заколотилось. Она поправила выбившуюся чёлку из-под мохеровой косынки, которая предательски сползла на одно ухо, и уверенным шагом повернула за угол. Под фонарём так же, как и в прошлый раз, размеренно спускались снежинки, а в глубь аллеи удалялась женщина с двумя набитыми сумками из болоньи. В растерянности Соня села на скамейку, покрытую тонким слоем снега, и тихо заплакала. Ей мгновенно вспомнились все её приготовления к этой встрече, невыученные уроки на завтра, романтический настрой, отчаянное желание нравиться и уязвлённое самолюбие. Что же она скажет Людке? Редкие прохожие шли мимо молоденькой девушки, натянувшей широкий ворот свитера прямо на лицо, и никто не обращал на неё внимания. Просидев ещё целых полчаса на холоде в надежде, что вдруг этот Климов всё-таки придёт, она покорно направилась к подруге.

— Ну, как свидание с кавалером? — прямо с порога поинтересовалась Людка, кутаясь в пушистый шарф.

— Я прождала полчаса, а он не пришёл, — всхлипнула Софья и кинулась в объятия растерявшейся одноклассницы.

— Вот, зараза, — твёрдо сказала Людмила.

Спустя пять минут она разливала горячий чай себе и гостье, рассуждая о коварстве всех представителей мужского пола.

— Может, он заболел? — жалобно пробормотала Лисицкая, искренне веря, что мужчина должен быть верен своему слову.

— Завтра в школе выясним, — пообещала Субботина, сомневаясь в порядочности голубоглазого красавчика.

— Я теперь не смогу уснуть, — грустно проговорила Софья, задумчиво размешивая в чашке варенье.

— Хочешь, я тебе книжку дам почитать? — предложила Людка.

— Давай!

Девочка тут же исчезла за дверью.

— Держи, — протянула она небольшой сборник стихов, вернувшись на кухню через минуту.

— Поэт Эдуард Асадов, — прочитала гостья и добавила растеряннo, — я его не читала.

— Тебе понравится, — убеждённо сказала Субботина.

В ночь у Сонечки поднялась температура, и она, укутанная тёплым одеялом, осталась дома. Мама заботливо поставила рядом с её кроватью табуретку, на которую водрузила все домашние средства от простуды, начиная от настойки трав и заканчивая мёдом и малиновым вареньем.

— Лечись, — сказала она, трогая в очередной раз горячий лоб дочери, — если температура к обеду не спадёт, вызовем врача.

— А как же школа? — тихо спросила Соня.

— Школа никуда не денется, — Тамара Тимофеевна ласково провела ладонью по волосам девочки, — как же ты умудрилась так простыть, моя милая? Скажи, куда ты вчера вечером наряжалась?

— Просто погулять.

— А зачем мою сумочку брала?

Софья тяжело вздохнула и прикрыла веки.

— Правильно, — улыбнулась мама, — лучше промолчать, чем сказать неправду! Ладно, — она поправила одеяло, — отдыхай!

— Я ходила на свиданье, — виновато прошептала Соня.

— Судя по всему, оно не состоялось?

— Не состоялось, — кивнула дочь, смахивая навернувшиеся слёзы.

— Милая моя Сонюшка, — Тамара Тимофеевна обняла девочку, — всё, что ни делается, всё — к лучшему. Значит, это был не твой человек!

— Правда? Ты так считаешь?

— Я в этом уверена!

Конечно, бдительная Людка заглянула в класс, где учился Климов, и увидела виновника подружкиных страданий, беззастенчиво обнимающего свою одноклассницу. А на следующий день из своего наблюдательного пункта, роль которого выполняло кухонное окно, она заметила этого несерьёзного кавалера, гуляющего с другой девчонкой. Людмила не стала рассказывать свои наблюдения и без того расстроенной Соне, которая, чихая и кашляя, провалялась дома целую неделю. Зато у неё было время обдумать ситуацию с несостоявшейся встречей. Когда подруга пришла навестить её в очередной раз, Сонечка срывающимся хриплым голосом прочитала ей понравившиеся стихи Эдуарда Асадова:

«Какой же любви она ждёт, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»»

— Не мучай себя, Лисичка! — Людмила ласково погладила руку своей одноклассницы, вселяя той своей категоричностью надежду. — Ты обязательно встретишь настоящую любовь!

— Ты так думаешь?

— Иначе и быть не может!

После болезни Софья пришла в школу совершенно спокойным человеком, ни разу не взглянув в сторону десятиклассника, который так жестоко её обманул. Неопытная девушка навсегда запомнила эту ноющую боль от обиды и решила больше никогда не ходить на свидания.

5. Последняя весна детства

Солнце припекало с каждым днём всё сильнее и сильнее. Потемневший снег стал таять, образуя повсюду лужи. На сухих островках начала пробиваться зелёная трава. Везде и во всём ощущалось дыхание весны.

Старшеклассницы готовились к выпускным экзаменам, до которых оставалось всего полтора месяца.

— Лиса, пойдём на Пасху к моей бабушке, — предложила Людка на перемене, — она живёт рядом с церковью Иоанна Златоуста, можно будет посмотреть на торжественную службу.

— Она же поздно начинается, — возразила Соня, но приглашение показалось ей очень заманчивым.

Посмотреть на религиозный обряд своими глазами было интересно. Конечно, её, как советскую комсомолку и атеистку, мучили сомнения. Но недолго.

— Мне надо у мамы отпроситься.

— Ты ей скажи, что мы будем не одни, а с моими родителями!

Когда Тамара Тимофеевна вернулась с работы, дочь подскочила к ней и показала дневник.

— Распишитесь, мадам, — шутливо проговорила Соня, с любопытством следя за взглядом мамы.

— Ух ты! Какая умничка, — губы женщины растянулись в улыбке, — у тебя на этой неделе одни пятёрки!

— Мамуля, можно я с Людой и её предками пойду на Пасху в церковь?

— Зачем? — удивилась Тамара Тимофеевна и пожала плечами. — Тебя интересуют христианские обряды? С каких это пор?

— Просто хочется посмотреть. Говорят, это красиво.

— Это тебя Субботина сагитировала? — мама надела фартук и стала чистить картошку.

— Давай, я тебе помогу, — охотно предложила девочка и полезла в ящик кухонного стола за ножом.

— Ты и твоя подруга напоминаете мне велосипед, в котором ведущее колесо Людмила, — задумчиво проговорила Тамара Тимофеевна, снимая тонкий слой кожуры с корнеплода, — а ты, к сожалению, ведомое.

— Это плохо?

— По крайней мере, мне бы не хотелось, чтобы у тебя так было всегда, и ты выросла безынициативной и слишком податливой.

— А какой я должна вырасти?

— Умеющей принимать самостоятельные решения.

— Наверное, тебе не повезло, — вздохнула Софья, — я так далека от идеала.

— На свете нет ни одного совершенного человека, — женщина бросила очищенную картофелину в кастрюлю с водой и обняла дочь, — мне кажется, что я воспитала умного и доброго человека, способного понимать и ценить чувства других, для которого любовь и дружба — не пустой звук.

Растроганная Сонечка прижалась к маме и прошептала:

— Спасибо.

На удивление мама ей впервые позволила уйти из дома на полночи. А утром за завтраком она с любопытством спросила:

— Ну, как в церкви было? Расскажи!

Соня на минуту задумалась. Ей почему-то больше всего запомнилась суетливая толпа бабок в платочках и запах плавящегося воска свечей. Но мама смотрела на неё с таким интересом, что девочка с воодушевлением произнесла:

— Красиво было и торжественно. Народу, правда, очень много было. Хор пел здорово. Вначале пение было тихое, а потом всё громче и громче. А ещё мы с Субботиной свечки поставили!

— Кому?

— Кириллу Мефодичу! Чтобы экзамены сдать на «отлично», — ответила с достоинством девушка.

— Кому-кому? — переспросила мама и усмехнулась. — Кириллу Мефодичу? Это тебе не учитель, чтобы по имени-отчеству называть, а святые Кирилл и Мефодий! Они — создатели старославянской азбуки, если ты не помнишь.

— Да помню я, — махнула рукой Соня.

— А что было потом?

— А потом вынесли флаги, и вся толпа пошла за ними вокруг церкви, как на демонстрации, — девочка хихикнула. — Мы отправились в гости к Людкиной бабушке пироги есть.

— Софья, — женщина покачала головой. — Поют в церкви на Пасху не песню, а стихиру о воскрешении Спасителя, и ходят не с флагами, а с хоругвями, — она грустно посмотрела на дочь. — Это надо знать. Это наша история!

— Мы по истории это не проходили, — обиженно проворчала школьница, снимая яркую скорлупу с крашеного яйца.

— Не проходили, — с иронией передразнила мама. — Ничего-то вы не знаете о вере своих предков. Меня бабушка в церковь водила с детства на причастие. А ты и не представляешь, что это такое.

— Ну уж, что такое причастие, я знаю, — усмехнулась Соня, кусая пасхальное яйцо.

Она без запинки рассказала про причастие, деепричастие и даже привела примеры. Тамара Тимофеевна молча слушала дочь, не перебивая.

— По русскому ставлю пять, — грустно улыбнулась мама. — А в остальном...

Она махнула рукой и стала убирать со стола.

В понедельник после второго урока в класс заглянула учительница по физике и громко сказала:

— Лисицкая, Субботина и Буряк, быстро к директору!

Софья только пожалала плечами от недоумения и направилась вместе с одноклассницами на второй этаж. Надежда Фёдоровна Лунёва была строгой дамой с высокой причёской из взбитых каштановых волос. Она принадлежала к тому типу женщин, которых природа не наградила внешней красотой, поэтому они изо всех сил компенсировали это карьерным ростом и активной жизненной позицией. Надежда Фёдоровна любила сидеть в президиумах и говорить с высокой трибуны правильные речи о творческом коллективе единомышленников, новых методиках обучения и воспитания школьников и о своей конечной цели — сделать вверенное ей учебное заведение образцовым. Повторялось это из года в год, и эти банальности уже давно никто не слушал. Соня никогда не была в кабинете директора школы, поэтому с интересом огляделась вокруг. Грамоты, кубки и выпелы украшали полки, а выющиеся стебли традесканции окутывали, словно щупальца, широкие подоконники.

— Вы были на Пасху в церкви? — без предисловий спросила Надежда Фёдоровна, медленно переводя взгляд с одной ученицы на другую. Когда она, сузив глаза, строго глянула на Лисицкую, то девочка, не выдержав пристального взгляда, шмыгнула носом и тихо проговорила:

— Да.

— Ясно, — директор постучала по столу шариковой ручкой. — Значит, будем собирать педсовет. А пока, — она кивнула на дверь, — идите на урок.

Укрывшись тонким покрывалом с головой, Софья улеглась на диван и проплакала весь вечер, пока не пришла с работы мама.

— Что случилось? — с тревогой спросила она, разглядывая опухшее от слёз лицо дочери.

— Произошло несчастье, — жалобно произнесла девочка, и обжигающие слёзы потекли по её щекам с новой силой.

— Господи, доченька, не пугай меня, — Тамара Тимофеевна присела на край дивана. — Рассказывай, кто тебя обидел?

— Учителя, — прозвучал жалобный ответ.

— Учителя? — растерянno повторила женщина. — Оценку плохую поставили?

— Нет. — Соня замахала головой.

— А в чём же дело?

— Сначала нас вызвали на педсовет и ругали за то, что мы ходили в храм на Пасху. Больше всех бесновалась наша Падловна. «Космические корабли летают в космос, а вы, как старые неграмотные бабки, молитесь в церкви! Это пятно на всю школу! А ещё комсомолки!» — шипела она.

— Подумаешь, несчастье, — мама облегчённо вздохнула. — А я испугалась. Стоит из-за этого так расстраиваться?

— Это ещё не всё, — всхлипнула Сонечка. — После уроков собрали всех учеников и учителей в актовом зале и продолжили нас воспитывать.

— Вас с Субботиной?

— Ещё и Нинка Буряк в церкви была, оказывается, но мы её не видели. Там же столько народу толпилось!

— А кто-то вас всех видел и заложил, — Тамара Тимофеевна покачала головой. — Ну, Бог ему судья.

— Людка узнала, что это была Элка Денисова из десятого «А».

— Девчонке семнадцать лет, а душонка уже гнилая, — с горечью произнесла женщина. — Зачем, интересно, она это сделала?

— Ей наша Падловна двойку по истории поставила и сказала, что за неуспеваемость её исключат из школы, а она ей в ответ: «Исключайте своих отличниц, которые в церковь ходят на религиозные праздники!» — с обидой в голосе сообщила Соня.

— Так она ещё и двоечница? — усмехнулась мама.

— Да.

— И поэтому взрослые люди, педагоги, устроили судилище над детьми? — Женщина прижала к себе дочь и вздохнула.

— И все смотрели на нас как на преступников! Знаешь, мамочка, как было обидно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.